

ПРОБЛЕМА КОММЕМОРАЦИИ МЕТАНАРРАТИВ – МЕСТА ПАМЯТИ - РЕНАРРАТИВИЗАЦИЯ

Анализируется трансформация механизмов формирования исторической памяти / коммеморации при смене типов рациональности/моделей науки. Проблема рассматривается в контексте источниковедения историографии и исследования нарратива. Обосновывается гипотеза: для классической модели исторической науки свойственен метанарратив и сопряженная с ним иерархизированная структура нарративов, составляющие основу «естественной» коммеморации; для неклассической науки знаково возникновение истории истории, что способствует разрушению «естественной» коммеморации, в постнеклассической науке проблематизация нарратива сопровождается разрушением коммеморации, новое конструирование которой начинается в ситуации постпостмодерна и сопровождается процессом ренарративизации.

Ключевые слова: историческая память, коммеморация, нарратив, места памяти, ренарративизация, фрагментация исторического знания, краеведение, тип рациональности, модель науки.

Наблюдение

Несколько последних лет мне довелось участвовать в проверке работ олимпиады по истории для поступающих в вузы. Сделанные наблюдения, конечно же, нельзя считать репрезентативными, а потому строго научными, но они весьма любопытны. Юноши и девушки, рожденные в конце 1990-х гг., путают века (!). Именно века! Поскольку речь идет о молодых людях, нацеленных на поступление на направление «история» в лучшие вузы страны (именно такие участвуют в олимпиаде), они хорошо знают даты, т.е. день, месяц, год, но вот, взмогла ли Екатерина II на российский престол в 1762 или в 1862 г., могут и спутать, отмену крепостного права могут отнести к 1961 г. и т.д. И если сначала подобные ошибки расценивались как казус, то по мере накопления материала стали восприниматься как тенденция, которая, на мой взгляд, заслуживает внимания психологов.

Ракурс исследования

Проблема социальных функций исторического знания перманентно актуальна. Социальные функции исторического знания многообразны, они трансформируются, наслаиваются, усложняются, но, по видимому, можно выделить инвариантную функцию, присущую историческому знанию, – обеспечение идентичности. Основу идентичности в обществе с историческим типом социальной памяти обеспечивает коммеморация на основе исторического знания, но подчеркнем: исторического знания определенного типа.

Отметим несколько последовательно связанных между собой аспектов, задающих ракурс рассмотрения проблемы социальной / исторической памяти в настоящей работе.

Первый аспект. Ю.М. Лотман характеризовал тип памяти, присущий европейской культуре, как исторический по характеру, письменный по механизму фиксации и казуальный по содержанию¹. Ранее мы преимущественно в связи с источниковедческими штудиями, акцентировали внимание на *письменной фиксации* социальной памяти исторического типа и соответственно на особой роли письменных исторических источников в историческом познании². Теперь же сделаем акцент на *казуальности*. Сформулируем предположение: именно казуальность социальной памяти исторического типа делает ее пластичной, изменчивой и, в конечном счете, порождает проблему нарратива, точнее – его верифицируемости, – в историческом познании.

Второй аспект. Связь имманентных характеристик нарратива с механизмами формирования социальной памяти исторического типа целесообразно, на мой взгляд, рассмотреть с позиции источниковедения историографии, с учетом разделения исторического знания на собственно научное и социально ориентированное. Проблема усугубляется тем, что классический тип рациональности не предполагает, или же предполагает в минимальной степени, но не проблематизирует, разграничение собственно научного знания от иных типов исторического знания, участвующих в формировании социальной памяти. Отсюда вытекает третий аспект рассмотрения проблемы.

Третий аспект. Сформулируем еще одно предположение (не будем пока придавать ему статус исследовательской гипотезы): механизм коммеморации коррелирует – и, по-видимому, весьма жестко, – с преобладающим типом рациональности и соответственно трансформируется в связи с их сменой. По этой причине, на мой взгляд, перспективно рассматривать трансформацию исторического знания, модель которого определяла способ коммеморации, используя в качестве схемы интерпретации смену типов рациональности, а для научного исторического знания – смену моделей науки: классическая – неклассическая – постнеклассическая и неоклассическая.

Классический тип рациональности. «Естественная» коммеморация

Credo «естественной» коммеморации в рамках рациональности классического типа – классическое же высказывание Л. фон Ранке: изучать, «как было на самом деле». Выше я писала, что классический тип рациональности не проводит жесткого разграничения между исторической наукой и иными формами исторического знания, но, на мой взгляд, эту позицию можно радикализировать и высказать предположение, что именно становление исторической науки как науки, обретение собственно научного метода, в частности филологической критики, депро-

¹ Лотман 1996. С. 344-356.

² См.: Источниковедение... 2015. С. 105-109.

блематизировало на какое-то время тему формирования исторической памяти. Например, российские историки XVIII в., рассматривая историю, скорее, как искусство, чем как науку, четко видели свою задачу в прославлении отечества. XIX век – это эпоха одновременного становления и исторического метода, и формирования мастернарративов. Соотношение этих процессов неоднозначное, шли ли они параллельно или взаимозависимо, каков механизм их взаимодействия, – эти проблемы требуют специального рассмотрения³.

Но сошлемся здесь на П. Нора, который в рамках исследования проблематики памяти, отметил: «...сразу же после Революции и Империи, в эпоху романтизма в 1820–1840-е гг., такими либеральными историками, как Огюстен Тьерри, Гизо, Мишле, была создана *национальная история* [выделено автором – М.Р.] <...> Принцип и динамизм ее состояли в том, чтобы выбирать из прошлого только факты, объяснявшие развитие “нации”. История превратилась в непрерывное повествование о бытии этой коллективной личности-нации...»⁴ И далее П. Нора конкретизирует эту мысль: «Было время, когда могло показаться, что с помощью истории и вокруг идеи нации традиция памяти кристаллизовалась в идее политического синтеза Третьей Республики, если следовать самой общей хронологии, от “Записок об истории Франции” Огюстена Тьерри (1827) до “Искренней истории французской нации” Шарля Сеньобоса (1933). История, память, нация претерпели тогда нечто большее, чем просто естественное взаимопроникновение: дополнительное распространение, симбиоз всех уровней, научного и педагогического, теоретического и практического»⁵.

Обратившись к российской историографии, мы можем выстроить этот ряд от «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (1816–1829), через «Историю России с древнейших времен» С.М. Соловьева (1851–1879) до «Курса русской истории» В.О. Ключевского (1904). В этот же ряд входят многотомные нарративы по русской истории: «Русская история» Н.Г. Устрялова (в 5 ч. СПб., 1837–1841), «Исследования, замечания и лекции о русской истории» М.П. Погодина (в 7 т., 1846–1857), «История России» (в 5 т., 1876–1905) Д.И. Иловайского и др. Этот ряд можно было бы завершить «Очерками по истории русской культуры» (в 4 т., 1896–1903) П.Н. Миллюкова, если бы не авторское название труда – «Очерки...», что заставляет предположить, что этот труд отчасти разрушает классический линейный метанарратив⁶.

³ См. напр.: *Маловичко*. Непонимание как форма сосуществования разных типов исторического знания // *Источниковедение.ru*...

⁴ Франция–память. 1999. С. 7.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ О видовой классификации историографических источников см.: *Источниковедение*... 2015. С. 525-559.

Сопоставим целеполагание трех классиков российской историографии. М.В. Ломоносов, целиком принадлежащий XVIII веку, в «Древней Российской истории...» (1751–1764, опублик. в 1766) пишет: «Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблости похвальных дел должную славу, и пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила. Мрамор и металл, коими вид великих людей изображенный всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно, и ветхостию разрушаются. История повсюду распространяясь и обращаясь в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирает»⁷. М.П. Погодин так характеризует назначение учебника для гимназий (1835): «Учебная история должна изложить все главные события в связи и последовательности, не сказать ничего ненужного, не употребить ни одного слова лишнего, не пропустить ни одного важного события. Ни об чем прочем ей нечего заботиться. Все то предоставляется учителю, который передает ученику знание посредством учебной книги, оживляет ее, раскрашивает находящийся в ней очерк картины. И потому учебная книга без учителя есть драма не разыгранная актерами, не полное сочинение. Всякий судья ее вот что должен иметь в виду. Совсем другое есть История, назначаемая для чтения. Туда живость, и искусство, и патриотизм, и вся личность автора. Та может иметь целью не только показать, но и представить живо, возбудить охоту, ибо ей нельзя надеяться на живую помощь. Истина историческая, разумеется, и в учебной, и всякой другой»⁸. Позиция М.П. Погодина примечательна еще и тем, что начинал он как ученик М.Т. Каченовского, признанного главы «скептической школы», но затем перешел на охранительные позиции. Н.М. Карамзин, находящийся на рубеже историографии XVIII–XIX вв., сформулировал целеполагание исторического повествования весьма афористично: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству»⁹.

Примечательно, что классический тип рациональности порождает и такой вид исторического письма как мемуары–«современные истории». Цель мемуариста – не просто оставить память о тех событиях, которым он был свидетель, но оставить *правильную* память. Основоположником данного жанра по праву считается Филипп де Коммин, чьи «Мемуары», написанные в конце XV в., были впервые опубликованы в 1524 г. Сам автор следующим образом определял цель создания своих мемуаров и свое понимание особенностей этого жанра: «Монсеньор архиепископ Вьеннский, удовлетворяя Вашу просьбу, с коей Вы собла-

⁷ Ломоносов 1952. Т. 6. С. 171.

⁸ Погодин 1837. С. XIV–XV.

⁹ Карамзин 1989. С. 13.

говорили ко мне обратиться, – вспомнить и описать то, что я знал и ведал о деяниях короля Людовика XI, нашего господина и благодетеля, государя, достойного самой доброй памяти (да помилует его господь!), я изложил *как можно ближе к истине* [здесь и далее выделено мной – М.Р.] все, что смог и сумел вспомнить... <...> Хронисты обычно пишут лишь то, что служит в похвалу тем лицам, о которых они говорят, и о многом умалчивают или же подчас не знают правды. *А я решил, невзирая на лица, говорить только о том, что истинно* и что я видел сам или узнал от достаточно важных персон, которые достойны доверия»¹⁰.

В России произведения, написанные с аналогичной целью – запечатлеть в памяти историческое событие, появляются в XVII в. Сильвестр Медведев – современник и участник событий периода регентства Софьи Алексеевны – создал труд с примечательным названием «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же, что содеяся во гражданстве». Самоназвание источника – «созерцание» – свидетельствует о намерении описать то, чему автор был свидетелем, а сам он так понимал свою задачу: «...Подобает нам содеявша в наша времена какие-либо дела не придавать забвению... <...> Писанием оставити вежество, ибо мнози о тех делах глаголют и соперство между себе творят... абаче инии истинствовати не могут...» Младший современник Сильвестра Медведева А.А. Матвеев также пишет записки с аналогичной целью: «...Сей автор не за любочестие свое и не праздную себе хвалу, но для общей всех памяти о том потщится сей малый труд принять, дабы всегда в Российском государстве благоразумные и любопытные читатели, вразумляющиеся полезно, к будущему известию своему, для познания родящихся сыновей своих от род в род оставляли незабвенно...»¹¹.

В Европе в XVII в. рассматриваемый вид источников личного происхождения вполне сформировался. В Англии к этому времени относится «История восстания» («The History of Rebellion») графа Кларендона, повествовавшая о событиях гражданской войны 1642–1660 гг., в которой автор участвовал на стороне короля. В конце XVII в. епископ солсберийский Гилберт Бернет написал произведение с символическим названием «История моего времени» («The History of My Own Times»). Бернет постоянно перерабатывал свой труд и готовил его к публикации. Классикой данного вида являются мемуары Луи де Рувруа герцога Сен-Симона, который не только создал обширное произведение о событиях, современником которых он был, и о людях, в них участвовавших, но и дал пример осмысления задач «современной истории». Предисловие к своим мемуарам (июль 1743 г.) он недвусмысленно назвал «О дозволенности писания и чтения исторических книг, особенно тех, что посвящены своему времени» и обосновывал потребность в такой истории

¹⁰ Коммин 1987. С. 5, 191.

¹¹ См.: Чекунова 1995.

следующим образом: «Частной я именуую историю, если она относится к временам автора и его стране, повествуя о том, что происходит у всех на глазах; и, будучи более узким по охвату, подобный исторический труд должен содержать гораздо больше мелких подробностей и вводить читателя в гущу действующих лиц <...>. Такой жанр требует щепетильной точности и достоверности каждого сюжета и каждой черты <...> особенно же важно, чтобы, описывая события, сочинитель опирался на источники, личные впечатления или рассказы своих близких друзей; в последнем случае самолюбие, дружба, неприязнь и собственная выгода должны приноситься в жертву истинности даже наимельчайших и наименее важных подробностей...»¹².

Очевидно, что всех этих очень разных авторов объединяет идея, близкая и целеполаганию историографии в рамках классической модели науки, – запечатлеть событие, «как оно было на самом деле». Наверное, не будет сильным преувеличением сказать, что нарративная история XIX века заместила память. Или, как пишет П.Нора, произошло «искоренение памяти под захватническим натиском истории»¹³.

Неклассический тип рациональности Разрушение «естественной» коммеморации

В неклассической модели науки происходит разрушение «естественной» коммеморации. Логика простая и схематизируем ее совсем уж упрощенно (хотя, надеюсь, вполне корректно): неклассическая модель науки предполагает учет воздействия исследователя на результат исследования; отсюда – понимание, что история – это не то, «как было на самом деле», а то, что для нас написали историки, конечно, не произвольно, руководствуясь научным методом и следуя этическим нормам своей профессии, но все же это не сама воспроизведенная «объективная реальность» истории, а рассказ историка. Хорошо известно высказывание П. Нора, приобретшее уже характер афоризма: «история целиком вступает в свой историографический возраст, достигнув своей деидентификации с памятью»¹⁴. Анализируя ситуацию во Франции (которая, на мой взгляд, не является настолько специфической, чтобы ее общую характеристику нельзя было применить к европейской историографии в целом), Нора замечает: «...одним из наиболее ощутимых знаков <...> отрыва истории от памяти является начало истории истории, совсем недавнее пробуждение во Франции историографического сознания». И тут же подчеркивает, что во Франции «история истории не может быть невинной операцией. Она осуществляет внутреннее превращение истории-памяти в историю-критику»¹⁵.

¹² Сен-Симон 1991, Кн. 1. С. 42-62.

¹³ Нора 1999. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Там же. С. 21-22.

Превращение исторической науки в «историю-критику», а именно на это был нацелен проект «места памяти», не мог не привести к расхождению – и в дальнейшем к разрыву исторической науки и социально ориентированного историописания. Но здесь мы уделим внимание не истории истории как имманентному признаку неклассической модели исторической науки, а другому, возможно менее яркому, но весьма масштабному и вызвавшему на рубеже XX–XXI вв. оживленные дискуссии маркеру новой ситуации – оформлению краеведения в отдельную область знания, призванную формировать локальную социальную память и соответственно локальную идентичность¹⁶.

Сразу же хочу подчеркнуть, что не имею ни малейшего намерения вступать в полемику с краеведами, чье стремление удревнить собственную сферу изучения вполне понятно¹⁷ и корректно объясняется как раз с позиций формирования исторической памяти. Отмечу только один момент: понятие *краеведение* появляется в русском языке не ранее начала XX в. Оно отсутствует во всех наиболее известных толковых словарях XIX – начала XX в.: В.И. Даля, Брокгауза и Ефрона и в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, братьев Гранат и зафиксировано лишь в академическом «Словаре русского языка» (под ред. А.А. Шахматова, 1891–1916 гг.).

Конституирование краеведения как особой области исторического знания, на мой взгляд, является одним из показателей выхода локальной истории из-под влияния мастер-нарратива и начала процесса фрагментации единого пространства истории¹⁸. По-видимому, здесь уже можно говорить о переориентировании локальной истории, в ее краеведческом варианте, на формирование локальной исторической памяти, что вполне согласуется с утверждением П. Нора: «Конец истории-памяти умножил число отдельных памятей, которые потребовали своей истории»¹⁹.

Постнеклассический тип рациональности

Искусственная коммеморация

Характеризуя переход к постнеклассическому типу рациональности, необходимо отметить два знаковых и существенно взаимосвязанных явления: кризис доверия к историческому метарассказу²⁰ и проблематизацию нарратива. Концептуальные основания проблематизации

¹⁶ Проблема статуса локальной истории и ее места в структуре исторического знания в соотнесении с разными типами рациональности / моделями науки была подробно рассмотрена нами ранее в соавторстве с С.И. Маловичко: *Маловичко, Румянцев* 2012. С. 9–22; 2013. С. 39–54.

¹⁷ См. напр.: *Паиков* 2011.

¹⁸ Здесь мы оставляем за рамками рассмотрения роль губернских ученых архивных комиссий в становлении как научной локальной истории, так и краеведения (см.: *Писарькова* 2015), а также специфические условия расцвета советского краеведения как в 1920-х, так и в 1970–1980-х гг. (см., например: *Шмидт* 1992).

¹⁹ *Нора* 1999. С. 33.

²⁰ См., например: *Лиотар* 1978. С. 9–10 и след.

нарратива, т.е. той формы, в которой историки представляют нам полученное ими историческое знание, обнаруживаются частью в неклассической модели науки (конструирующая роль историка в построении исторического повествования), но частью и в неоклассической модели (анализ языка исторической науки, в частности теория нарративных предложений А. Данто)²¹.

Дабы не отвлекаться от основной мысли данной работы, не буду останавливаться на проблеме нарратива, отмечу только, что в данном случае ориентируюсь на таких признанных теоретиков, как П. Вен²² и Ф. Анкерсмит²³. Но не могу не акцентировать один момент – связь проблематизации нарратива и той характеристики исторической памяти, которую дал ей Ю.М. Лотман, подчеркнувший ее *казуальный характер*.

Несмотря на то, что проблема нарратива в историческом познании едва насчитывает несколько десятилетий (книга П. Вена опубликована в 1971 г., классический труд по этой теме Х. Уайта «Метаистория» – в 1973 г., «Нарративная логика» Ф. Анкерсмита, наиболее глубоко исследовавшего эту проблему, – в 1983 г.), уже в 2007 г. А. Мегилл, размышляя над вопросом, «обладает ли нарратив собственной познавательной ценностью», вполне правомерно утверждает: «Ответ “нет”, с его скептическим отношением к красивым иллюзиям нарратива <...> до сих пор для большинства историков это был наиболее убедительный ответ»²⁴.

Но как только мы переакцентируем внимание из области поиска «объективной» научной истины (фактически в границах классической модели науки) на исследование субъективности историка (неклассическая модель науки) или же в область «социального конструирования реальности» (постнеклассическая модель науки), ответ на вопрос о познавательной ценности нарратива становится скорее положительным, чем отрицательным. И А. Мегилл, проанализировав эту проблему применительно к новой теоретико-познавательной ситуации, приходит к выводу: «На вопрос “имеет ли нарратив собственную познавательную ценность” нужно ответить “Да” [здесь и далее выделено автором – М.Р.]. Конечно, нарратив имеет собственную познавательную ценность в том смысле, что связность нарратива есть связность возможного мира. Независимо от того, имеет или нет образ, проецируемый нарративом, действительное существование в том мире, каковым этот мир является сейчас или будет в будущем, он существует в нарративе и в сознании, которое задумывало этот нарратив»²⁵. Но отстаивая научность истории перед лицом опасности, грозящей ей, как считает А. Мегилл, со сторо-

²¹ Данто 2002.

²² Вен 2003.

²³ Анкерсмит 2003.

²⁴ Мегилл 2007. С. 172.

²⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология ... С. 198.

ны массового исторического сознания (а именно в этом пафос его книги), он утверждает: «Но одновременно и, возможно, *более решительно* [выделено мной – М.Р.], мы должны также сказать, что нарратив не имеет собственной познавательной ценности. Он обладает, скорее, соблазняющей властью – властью, которая может быть слишком легко реализованной, для того чтобы представить нарративное *возможное* [выделено автором – М.Р.] видение как видение действительное»²⁶.

Для меня очевидно, что водораздел между двумя ответами на вопрос о познавательной ценности нарратива, во-первых, проходит по границе между классическим и неклассическим типами рациональности и, во-вторых, разделяет социально ориентированное историописание (ответ «Да») и собственно историческую науку (ответ «Нет»). Естественно, что ответ «Нет» не затрагивает значимость нарратива как объекта научного исследования. При этом способность нарратива выдавать *возможное* за *действительное* составляет основу механизма формирования исторической памяти в рамках социально ориентированного историописания.

Этому выводу не противоречат и размышления Мегилла о причинах «живучести» нарратива. Вполне определенно заявив, что современные историки, не чуждые методологической рефлексии однозначно и солидарно отрицают познавательную ценность нарратива, автор констатирует «вездесущность нарратива – его сверхъестественную способность возрождаться после обрастаемой слухами смерти». Поставив вопрос: «Почему же нарратив постоянно возвращается...? Почему нарратив “естественен” для людей?», он утверждает: «Ответ кажется ясным: нарратив глубоко связан с теми процессами, с помощью которых индивидуумы и их группы придают смысл самим себе и даже определяют себя»²⁷.

Любопытно здесь соотнести размышления А. Мегилла с идеями, высказанными О.М. Медушевской, исследователем с совершенно иным background, практически в то же самое время (книга завершена в 2007 г., опуб. в 2008 г.). Утверждая сосуществование и противоборство на рубеже XX–XXI вв. двух парадигм исторического познания, О.М. Медушевская характеризует одну из них как парадигму «строгой науки, стремящуюся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания», а описывая вторую, утверждает, что эта парадигма, «неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, <...> видящего организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка как познающего субъекта». Эту парадигму О.М. Медушевская характеризует как парадигму нарративной логики и констатиру-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 187-188.

ет: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире»²⁸.

В этот период, период постмодерна и преобладания постнеклассического типа рациональности, намечается тенденция к разрыву исторической науки и социально ориентированного историописания, которое, по определению, может существовать только в нарративной форме. Фактором разрыва стал вывод о том, что нарратив принципиально неверифицируем. Но в анализируемой ситуации разрыв научной истории и социально ориентированного историописания, целенаправленного на формирование социальной памяти, мог лишь наметиться, поскольку все-таки основной характеристикой ситуации постмодерна в области исторического знания был кризис нарратива, отчетливо проявившийся, на мой взгляд, в определенной «моде» на микроисторию в конце XX в. Микроистории в ее предельном, «казульном», варианте вполне когерентен коллаж – жанр изобразительного искусства, получивший столь широкое распространение с те же самые времена, в ситуации постмодерна.

Историческая память в этот период опирается на «места памяти», причем принципиальным новшеством в этой области становится *искусственная коммеморация* – целенаправленное конструирование мест памяти. П. Нора характеризует 1990-е гг. как «эру коммеморации» и констатирует: «... выражение “места памяти” – орудие, созданное для того, чтобы критически осветить этот феномен, – было тут же превращено в инструмент коммеморации по преимуществу». Говоря о механизмах коммеморации, П. Нора обращает внимание, что «каждый год и каждый месяц требуют своей порции обязательных или сфабрикованных годовщин»²⁹. Ярким опытом такой коммеморации в российской действительности стало учреждение Дня народного единства – государственного праздника, который в Российской Федерации отмечают с 2005 г. За последнее время мы были свидетелями широкого празднования «обязательных или сфабрикованных годовщин»: 150-летие отмены крепостного права в 2011 г.³⁰, 400-летие Дома Романовых в 2013 г., 1150-летие российской государственности в 2012 г. Последняя из упомянутых памятных дат особенно примечательна в связи с многолетней антинорманистской традицией, существовавшей в исторической памяти, вырабатываемой через школьное историческое образование.

П. Хаттон на излете постмодерна (1993) писал: «Современное историческое мышление отражает ценности современной культуры, которая демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым, и возлагает большие надежды на новшества будущего. Хотя мы знаем больше о прошлом, чем наши предки, его власть над нами не столь тяжела, а его

²⁸ Медушевская 2008. С. 16.

²⁹ Нора 1999. С. 95-96.

³⁰ См.: Маловичко 2011. С. 133-138.

привлекательностью гораздо легче манипулировать. В настоящее время нам *приходится говорить скорее о полезности прошлого, чем о его влиянии на нас* [выделено мной – М.Р.]...»³¹ Последнее изречение – фактически девиз формирования исторической памяти в периоды постмодерна и особенно постпостмодерна.

***Проблема ренарративизации, или
Нельзя дважды войти в одну и ту же реку***

Замечу сразу, что выделение проблемы ренарративизации в ситуации постпостмодерна в качестве подраздела данной статьи в некоторой степени нарушает принятую здесь структуру, в основе которой смена типов рациональности / моделей науки. Сейчас мы не можем сказать, что переход от постмодерна к постпостмодерну сопровождается сменой типа рациональности / модели науки. Возможно, что философия науки в ближайшем будущем прояснит для нас этот вопрос. Применительно же к историческому знанию мы можем только льстить себя надеждой, что перенос акцента с этики толерантности на этику ответственности будет сопровождаться ростом влияния *неоклассической модели науки*. Но проблема ренарративизации, актуализированная с переходом от постмодерна к постпостмодерну, наталкивается на ряд проблем объективного характера в сфере собственно научного знания, что заставляет позиционировать ее преимущественно, если не исключительно в области социально ориентированного историописания, на долю которого окончательно перекладывается формирование социальной / исторической памяти.

Целостность и непротиворечивость, по-видимому, не являются имманентными характеристиками исторической памяти, но задача историописания способствовать их обеспечению. Что же мешает этому?

Здесь стоит обратиться к проблеме *фрагментации исторического знания*, которую упоминалась выше в связи с конституированием краеведения как особой области исторического знания, и для этого вернуться к рубежу XIX–XX вв., когда происходит кризис линейной модели политической истории, а структура исторического знания усложняется за счет появления новых дисциплин (субдисциплин) исторической науки. Наконец, в 1929 г. начинают издаваться знаменитые «Анналы» (полное название журнала в момент создания «Анналы экономической и социальной истории»). Примечательную характеристику дал этому журналу П. Нора, упомянув о его значении в контексте разрабатываемой им проблемы исторической памяти: «Враждебность “Анналов” в отношении событийной, политической, военной, дипломатической, биографической истории в принципе не означала приговора национальной истории, но на деле подготавливала его, потому что *национальная история писалась как линейный рассказ о причинно-следственных связях* [выделено мной – М.Р.]»³².

³¹ Хаттон 2003. С. 24.

³² Нора 1999. С. 9-10.

На протяжении XX в. структура исторического знания только усложнялась, появлялись новые дисциплины (субдисциплины)³³, становление неклассической модели науки сопровождалось появлением новых направлений³⁴, а в рамках постнеклассической модели формируются междисциплинарные предметные поля³⁵. В этой новой познавательной ситуации перед так называемым «практикующим» историком, не чуждым рефлексии собственной познавательной деятельности, неизбежно встает вопрос о смысле его исследовательских усилий.

Мегилл оптимистично заявляет: «До самых недавних пор [книга опубликована в 2007 г. – М.Р.] обозреватели и ученые, принадлежащие к традиции западной профессиональной историографии, в целом полагали, что любое отдельное историческое исследование должно быть ориентировано на историю вообще, т.е. на некую единственную историю...»³⁶.

Такой подход, на мой взгляд, когерентен классической модели науки. В самом деле: отдельное исследование можно рассматривать как составляющую единой «картины» истории – по принципу пазла, – которая правомочна только при условии ее соответствия «объективной реальности», что как раз характерно для классической модели науки. Отметим попутно, что эта проблема в квалификационных работах – от студенческой курсовой до докторской диссертации – проходит «по ведомству» *актуальность темы исследования*. И по-прежнему встречающиеся в этой части Введения, а также при определении новизны работы, формулировки типа «смысл работы в восполнении пробелов / заполнении лакун» являются дискурсивными маркерами классической модели науки.

Сам же А. Мегилл утверждает: «Я весьма подозрительно отношусь к попытке преодолеть дисциплинарную фрагментацию. В наиболее мягкой форме эти попытки обычно сводятся к желанию продвинуть то или иное *видение исторического синтеза* [выделено мной – М.Р.]. Вера в то, что синтез – это достоинство, а фрагментация недостаток, глубоко укоренилась в культуре академических историков. Каждые несколько лет выдвигаются предложения того или иного нового синтеза. Давайте, однако, быть начеку: все призывы к синтезу – это попытки навязать интерпретацию»³⁷. Мегилл переосмысливает проблему единства исторического знания как проблему когерентности ее составляющих и эксплицирует различные идеально-типические установки по отношению к полной когерентности истории, которые имеются – чаще всего как неосознанные – у так называемых «практикующих» историков³⁸. Мегилл выделяет четыре таких установки: от утверждения, что «существует единая связанная

³³ Теория и методология исторической науки... 2014. С. 96.

³⁴ Там же. С. 319-320.

³⁵ Там же. С. 409.

³⁶ Мегилл 2007. С. 270.

³⁷ Там же. С. 256.

³⁸ Там же. С. 270-302.

История, которая может быть рассказана (или пересказана) здесь и сейчас», до полного отрицания когерентности истории. Эти установки вскрывают связь историописания с Историей; при этом под Историей с большой буквы автор понимает некую «единственную историю», на познание которой нацелен познающий субъект исторической науки.

В контексте наших рассуждений есть смысл акцентировать внимание на третьей установке, которая «предполагает, что единственная когерентная История существует, но она никогда не может быть рассказана»³⁹. На мой взгляд, все эти первые три установки имеют в своем основании классический тип рациональности. Но любопытно, что Мегилл вскрывает противоречивый характер третьей установки: «Очевидно, что если вы размышляете в терминах нарративизма, то вы обнаружите здесь парадокс, потому, что если большой нарратив не может быть рассказан, то он вообще не обладает *формой* [выделено автором – М.Р.] нарратива. Вместо этого он проявляется в приверженности историков автономному статусу их дисциплины, в обязательстве поддерживать чистоту и когерентность дисциплины в отсутствии какой-либо единственной Истории, к которой она стремится»⁴⁰.

Приведенные рассуждения, на мой взгляд, можно расценивать как еще одно обоснование разрыва в актуальной социокультурной ситуации научного исторического знания, имеющего фрагментированную структуру, и социально ориентированного историописания, имеющего форму нарратива и призванного дать непротиворечивую («когерентную», если воспользоваться терминологией Мегилла) интерпретацию истории.

Неоклассическая модель науки

За пределами рассмотрения остался наиболее существенный, на мой взгляд, вопрос – о том, как работает в конструировании исторической памяти *неоклассическая модель науки*. Можно, наверное, ограничиться сугубо отрицательной констатацией: неоклассическая модель науки здесь не работает. Но она может – и должна – выполнять важную, экспертную, функцию – вскрывать механизм формирования социальной памяти. В частности, существенную роль в качестве инструментария такого анализа может сыграть источниковедение историографии с его специальным вниманием к видовой природе историографического источника⁴¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
- Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 393 с.
- Данто А.* Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. – 289 с.

³⁹ Там же. С. 271.

⁴⁰ Мегилл 2007. С. 271.

⁴¹ Теория и методология... 2014. С. 203-204.

- Доманска Э. Философия истории после постмодерна. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.
- Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
- Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения / А.А. Бондаренко и др. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.
- Карамзин Н.М. Предисловие // Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1989. – 638 с.
- Коммин Ф. де Мемуары. М.: Наука, 1987. 496 с. (Памятники исторической мысли).
- Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава первого или до 1054 года // Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 6. С. 163-287.
- Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 344-356.
- Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. – 91 с.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История локуса в классической, неклассической и постклассической моделях исторической науки // Регіональна історія України: збірник наукових статей / голов. ред. В. Смолій. Київ, 2012. Вип. 6. С. 9-22.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История локуса в классической, неклассической и постклассической моделях исторической науки. Статья вторая // Регіональна історія України. Київ, 2013. Вип. 7. С. 39-54.
- Маловичко С.И. Непонимание как форма существования разных типов исторического знания // Источниковедение.ru [Электронный ресурс]. URL: Ч. 1: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/malovichko_id_1/16-1-0-156; Ч. 2: [http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/malovichko_id_2/16-1-0-157.](http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/malovichko_id_2/16-1-0-157;)
- Маловичко С.И. Юбилейные даты отмены крепостного права как практика конструирования социальной памяти / С.И. Маловичко // Великая крестьянская реформа 1861 года и ее влияние на развитие России: сб. докладов Всероссийской конференции, посвященной 150-летию отмены крепостного права, 4-5 марта 2011 г. / под общ. ред. В.М. Баутина. М.: РГАУ–МСХА, 2011. С. 133-138.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2007. – 479 с.
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
- Паиков А.М. Историческое краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века как социокультурное и историографическое явление: дисс... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2011. – 678 с.
- Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии. 1884–1923 гг.: аннотированный указатель содержания изданий. М.: Новый хронограф, 2015. – 944 с.
- Погодин М. П. Начертание русской истории: для гимназий. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1837. XV. – 411 с.
- Сен-Симон А. де Мемуары: избранные главы: в 2 кн. М.: Прогресс, 1991.
- Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. – 575 с.
- Франция–память / Пьер Нора, МонаОзуф, Жерар де Пуоимеж, Мишель Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 327 с.
- Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. – 423 с.
- Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв.: опыт источниковедческого анализа. – М.: Рос. университет. изд-во, 1995. – 136 с.
- Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. М.: Алтей, 1992. 85,[2] с.

REFERENCES

- Ankersmit F. *Narrativnaya logika: Semanticheskii analiz yazyka istorikov*. M.: Ideya-Press, 2003. 360 s.
- Ven P. *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii*. M.: Nauchnyi mir, 2003. 393 s.
- Danto A. *Analiticheskaya filosofiya istorii*. M.: Ideya-Press, 2002. – 289 s.
- Domanska E. *Filosofiya istorii posle postmoderna*. M.: «Kanon+» ROII «Reabilitatsiya», 2010. – 400 s.
- Istochnikovedenie: ucheb. posobie / I.N. Danilevskii, D.A. Dobrovol'skii, R.B. Kazakov, S.I. Malovichko, M.F. Rumyantseva, O.I. Khoruzhenko, E.N. Shveikovskaya; otv. red. M.F. Rumyantseva. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015. – 685, [3] s.
- Istochnikovedenie.ru [Elektronnyi resurs]: stranitsa Nauch.-ped. shkoly istochnikovedeniya / A.A. Bondarenko i dr. Rezhim dostupa: <http://ivid.ucoz.ru/>, svobodnyi.
- Karamzin N.M. *Predislovie // Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t.* M.: Nauka, 1989. – 638 s.
- Kommin F. de Memuary. M.: Nauka, 1987. 496 s. (Pamyatniki istoricheskoi mysli).
- Lomonosov M.V. *Drevnyaya Rossiiskaya istoriya ot nachala rossiiskogo naroda do konchiny Velikogo knyazya Yaroslava pervogo ili do 1054 goda // Poln. sobr. soch.: v 11 t.* M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. T. 6. S. 163-287.
- Lotman Yu.M. *Alternativnyi variant: bespis'mennaya kul'tura ili kul'tura do kul'tury? // Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera*. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. S. 344-356.
- Makarikhin V.P. *Gubernskie uchenye arkhivnye komissii Rossii. N. Novgorod: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izd-vo, 1991. – 91 s.*
- Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. *Istoriya lokusa v klassicheskoi, neklassicheskoi i postneklassicheskoi modelyakh istoricheskoi nauki // Regional'na istoriya Ukraïni: zbirnik naukovikh statei / golov. red. V. Smolii. Kiïv, 2012. Vip. 6. S. 9-22.*
- Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. *Istoriya lokusa v klassicheskoi, neklassicheskoi i postneklassicheskoi modelyakh istoricheskoi nauki. Stat'ya vtoraya // Regional'na istoriya Ukraïni. Kiïv, 2013. Vip. 7. S. 39-54.*
- Malovichko S.I. *Neponimanie kak forma sosushchestvovaniya raznykh tipov istoricheskogo znaniya // Istochnikovedenie.ru [Elektronnyi resurs]*. URL: Ch. 1: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/malovichko_id_1/16-1-0-156; Ch. 2: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/malovichko_id_2/16-1-0-157.
- Malovichko S.I. *Yubileinye daty otmeny krepostnogo prava kak praktika konstruirovaniya sotsial'noi pamyati / S.I. Malovichko // Velikaya krest'yanskaya reforma 1861 goda i ee vliyanie na razvitiye Rossii: sb. dokladov Vserossiiskoi kon-ferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu otmeny krepostnogo prava, 4-5 marta 2011 g. / pod obshch. red. V.M. Bautina. M.: RGAU–MSKha, 2011. S. 133-138.*
- Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya*. M.: «Kanon+» ROII «Reabilitatsiya», 2007. – 479 s.
- Medushevskaya O.M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoi istorii*. M.: RGGU, 2008. 358 s.
- Pashkov A.M. *Istoricheskoe kraevedenie Karelii kontsa XVIII – nachala KhKh veka kak sotsiokul'turnoe i istoriograficheskoe yavlenie: diss... d-ra ist. nauk: 07.00.09*. M., 2011. – 678 s.
- Pisar'kova L.F. *Gubernskie uchenye arkhivnye komissii. 1884–1923 gg.: annotirovanniy ukazatel' soderzhaniya izdaniï*. M.: Novyi khronograf, 2015. – 944 s.
- Pogodin M. P. *Nachertanie russkoi istorii: dlya gimnazii. 2-e izd.* M.: Universitetskaya tipografiya, 1837. XV. – 411 s.
- Sen-Simon A. de Memuary: izbrannye glavy: v 2 kn. M.: Progress, 1991.
- Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki: terminologicheskii slovar' / otv. red. A.O. Chubar'yan. M.: Akvilon, 2014. – 575 s.*

- Frantsiya–pamyat' / P'er Nora, MonaOzuf, Zherar de Pyuimezh, Mishel' Vinok; per. s fr. D. Khapaevoi. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. – 327 s.
- Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb.: Vladimir Dal', 2003. – 423 s.
- Chekunova A. E. Russkoe memuarное nasledie vtoroi poloviny XVII–XVIII vv.: opyt istochnikovedcheskogo analiza. – M.: Ros. universitet. izd-vo, 1995. – 136 s.
- Shmidt S.O. Kraevedenie i dokumental'nye pamyatniki. M.: Altei, 1992. 85,[2] s.

Румянцева Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики», доцент кафедры Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ; mf-r@yandex.ru

A problem of commemoration Metanarrative – places of memory – re-narration

The study looks into the way the mechanisms of formation of historical memory and commemorations has been transformed by the change of rationality types / models of science. The problem is considered in the context of source studies of historiography and the study of narrative. The hypothesis presented here is as follows: the classical model of historical discipline specific to the meta-narration and coupled with the hierarchical structure of narratives, forms the basis of “natural” commemorations; non-classical science in the history of historiography is a landmark occurrence that contributes to the destruction of the “natural” commemorations; in post-nonclassical discipline, the problematization of narrative is accompanied by the destruction of the commemorations, a new construction begins in a situation of postpostmodern and is accompanied by a process of renarration.

Keywords: historical memory, commemoration, narrative, place of memory, re-narration, the fragmentation of historical knowledge, local studies, the type of rationality, model of science.

Marina Rumyantseva, PhD (History), Associate Professor, Associate Professor of the School of Historical Studies, Faculty of Humanities, the Research Institute “Higher School of Economics”, Associate Professor of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); mf-r@yandex.ru